

Задание 1. Определите, о каких особенностях первобытной культуры идет речь в следующих текстах.

1. Многие народы кладут вырванный или выпавший зуб в такое место, где его может найти крыса или мышь... Почти все немецкие крестьяне придерживаются мнения, что вырванный зуб нужно засунуть в мышиную нору. Считается, что если поступить так с выпавшим у ребенка молочным зубом, то он на всю жизнь будет избавлен от зубной боли. Или же владельцу выпавшего зуба нужно зайти за печь и перебросить зуб через голову, приговаривая: «Дай мне, мышка, твой железный зуб. На, возьми мой зуб костяной». После этого у него будут отличные зубы. Когда на острове Раратонга в Тихом океане у ребенка выпадал зуб, туземцы произносили следующее заклинание: «Большая и малая крысы! Вот мой старый зуб, прошу вас дать мне новый».

2. Этнография показала нам, что первобытные племена наделены чрезвычайно острым восприятием пространства. Туземец способен видеть мельчайшие детали своего окружения. Он чрезвычайно чувствителен к любому изменению в состоянии обычных объектов среды. Даже в самых трудных условиях он способен найти верную дорогу. С чрезвычайной точностью следует он за всеми поворотами реки, когда гребет или идет под парусом вниз или вверх по течению. Однако при ближайшем рассмотрении мы с удивлением замечаем, что вопреки этой способности у него обнаруживается странный недостаток понимания пространства. Если попросить его дать общее описание или начертить карту реки со всеми ее поворотами, он не сможет этого сделать и даже не поймет нашего вопроса.

3. Чтобы понять эти изначальные, далекие от нас художественные явления, нужно попытаться проникнуть в сознание первобытного человека, уяснить себе особенности опыта, побуждающего видеть в изображении искусства не утеху для глаза, а целенаправленную силу. Для этого не потребуется особого труда. Нужно только взглянуть на себя и с абсолютной честностью ответить на вопрос: нет ли и в нас самих неких пережитков «примитивного» мышления? Прежде чем обратиться к ледниковому периоду, заглянем в собственную душу. Допустим, перед нами газетная фотография нашего любимого чемпиона. Доставит ли нам удовольствие взять иголку и проткнуть ему глаза? Отнесемся ли мы к этому с таким же безразличием, как если бы продырявили газету в любом другом месте? Вряд ли. И хотя своим просвещенным умом я понимаю, что не нанесу такими действиями ни малейшего вреда своему герою или другу, все же что-то во мне сопротивляется. Где-то таится нелепое чувство, будто то, что случится с картинкой, может произойти и с изображенным на ней человеком. Так вот, если я прав, если эти

неразумные суеверия действительно живы в нас в век атомной энергии, то не должно вызывать удивления их повсеместное распространение среди первобытных племен. Повсюду знахари и колдуны прибегали к такому магическому обряду: сделав миниатюрное изображение врага, они протыкали грудь ненавистной куклы или сжигали ее, намереваясь нанести ущерб противнику. В английском обычае жечь чучело Гая Фокса в годовщину «порохового заговора» видны следы таких суеверий... Когда один европейский художник зарисовал стадо в африканской деревне, ее жители были удручены: «Если вы увезете наших животных, как же мы будем жить?» ...Еще существуют племена, обладающие только каменными орудиями и высекающие в магических целях на скалах изображения животных. У других народностей есть празднества, на которых люди наряжаются животными и в ритуальных танцах подражают их движениям, веря, что это поможет им овладеть добычей.

4. Шаманское путешествие состоит из трех фаз: предварительный период подготовки и очищения, индуцирование измененного состояния сознания и само путешествие. Начальная стадия подготовки и очищения может включать в себя уединение, голодание, половое воздержание — все это возможно в пустынном и удаленном месте или в одинокой хижине. После этого путешествие обычно начинается поздно вечером, когда слабое освещение облегчает восприятие видений. Шаман проводит соответствующие ритуалы, а затем вызывает измененное состояние сознания с помощью пения, танцев, барабанов и психотропных веществ. Для путешествия в нижний мир шаман обычно визуализирует вход под землю, представляющий собой, как правило, образ пещеры, пустого пня или источника воды. Шаман видит себя входящим в такое отверстие и опускающимся под землю, пока он не окажется в другом мире. ...Оказавшись в нижнем мире, шаман вступает в следующую фазу своей миссии. Сюда относится все, что угодно, начиная с добывания информации, необходимой для исцеления, и заканчивая поиском утерянных душ и умиротворением сердитых духов. Расмуссен приводит классический пример такого ритуала умиротворения, а именно случай путешествия шамана-эскимоса в глубины моря для увещевания духа Таканакапсалука. Согласно эскимосской легенде, именно эта своенравная, непреклонная богиня судьбы властвует над морскими животными, являющимися источником питания для эскимосов. Когда она гневается — а это случается чаще всего из-за нарушения табу, — она уводит животных, и тогда эскимосы голодают, а охота оказывается неудачной. Судьба племени в таких случаях оказывается всецело в руках шамана. Только он может отправиться на дно моря, место обитания духа Таканакапсалука, преодолеть препятствия, сразиться с охраняющими ее морскими

чудовищами и попросить у нее прощения. Расмуссен следующим образом описывает морского духа и отважное путешествие шамана: «Побывать на дне моря, где живет дух, приручить его и расположить к себе так, чтобы люди на земле снова могли безбедно существовать, — это считается величайшим подвигом шамана.

Когда шаман хочет посетить дух Таканакапсалуок, он садится за ширмой в затемненной спальне, оставив на себе только камики (эскимосские унты) и рукавицы. Шамана, готового отправиться в путешествие, называют “нак’а”: тот, кто падает на дно моря. Это замечательное выражение возникло, пожалуй, в некоторой степени благодаря тому, что никто не может точно объяснить, как происходит путешествие. Одни утверждают, что путешествует только душа шамана или его дух; другие считают, что сам шаман в своей плоти попадает в подземный мир.

...Любой обыкновенный шаман, каким бы опытным он ни был, столкнется на своем пути на дно моря со многими опасностями; самыми страшными являются три вращающихся камня, которые встают перед ним, когда он достигает морского дна. Их не обойти; нужно протиснуться между ними, оставаясь при этом очень внимательным, чтобы не оказаться раздавленным: зазора между камнями едва хватает для того, чтобы человеческое тело могло проскользнуть через него.

...Если вокруг дома духа Таканакапсалуок воздвигнута высокая стена, это значит, что морская богиня очень разгневана; шаман должен броситься на стену, разрушить ее и сровнять с землей. Некоторые шаманы иногда видели, что над домом нет крыши — якобы для того, чтобы богиня могла, сидя у своей лампы, лучше видеть, чем занят род человеческий. ...Когда шаман входит в дом, он сразу же замечает Таканакапсалуок, которая в знак своего гнева сидит спиной к лампе и ко всем морским животным в бассейне. Ее волосы, спутанные и неопрятные, свободно свисают, закрывая половину лица так, что она ничего не видит. Грязь и нечистоты, покрывающие ее тело — это злодеяния, совершенные людьми. ...Теперь он (шаман. — О. И.) должен схватить Таканакапсалуок за плечо, повернуть лицом к лампе и животным, разгладить и привести в порядок ее волосы, потому что сама она этого сделать не может — у нее нет пальцев.

..Таканакапсалуок отвечает на языке духов: “Ошибки женщин и нарушения табу — вы ели вареное мясо — не пускают животных”. ... Когда богиня наконец смягчается, она берет животных одно за другим и роняет их на пол, и тогда посреди прохода образуется как бы водоворот, по которому вода устремляется из бассейна и животные исчезают в море. Это знак того, что людей ожидает удачная охота и изобилие».

Только шаман может совершить такое путешествие в глубины моря. В то время как простые человеческие существа являются слепыми пешками в

руках духов, шаман — единственный, кто способен общаться с духами и управлять ими.

5. Первобытный взгляд на жизнь синтетичен, а не аналитичен. Жизнь не подразделяется на классы и подклассы. Она ощущается как незыблемо непрерывное целое, не допускающее никаких резких и четкий различий. Границы между различными сферами — вовсе не непреодолимые барьеры: они расплывчаты и неустойчивы. Ни каких-либо специфических различий между разными сферами жизни, ни определенных постоянных, устойчивых форм не существует. Внезапная метаморфоза может превратить каждую вещь в любую другую. Если и существует какая-либо характерная черта мифологического мира, некий закон, им управляющий, — это закон метаморфоз. Но и это вряд ли позволяет нам объяснить неустойчивость мифического мира неспособностью первобытного человека понять эмпирические различия вещей. В этом отношении дикарь очень часто обнаруживает свои преимущества перед цивилизованным человеком. Дикарь чувствителен к тонким различиям, ускользающим от нашего внимания. Наскальные рисунки и изображения животных, относящиеся к низшим стадиям человеческой культуры, к палеолитическому искусству, часто восхищают нас своим натурализмом, демонстрируя поразительное знание всякого рода животных форм. Все существование первобытного человека по большей части зависело именно от умения наблюдать и различать. Будучи охотником, он должен был очень хорошо знать мельчайшие подробности жизни животных, уметь распознавать следы различных зверей. Все это вряд ли может подкрепить убеждение, что первобытное сознание по своей природе и сущности — это недифференцированное, спутанное, дологическое или мистическое сознание.

Для первобытного сознания специфична не его логика, а его общее чувство жизни. Первобытный человек вовсе не рассматривал природу как натуралист, жаждущий классифицировать вещи для удовлетворения своего интеллектуального любопытства, он не испытывал к ней сугубо прагматического или технического интереса. Природа для него — не просто объект познания, но и не поле непосредственных практических потребностей. ...Взгляд первобытного человека на природу не является только теоретическим или только практическим — он сочувственный... Первобытный человек вовсе не лишен способности схватывать эмпирические различия вещей, однако в его концепции природы и жизни все эти различия отступают перед весьма стойким чувством — глубоким убеждением в фундаментальном и неустранимом всеединстве жизни, связывающем воедино все множество и разнообразие единичных форм... Представление о кровном родстве всех форм жизни — это, по-видимому, общая предпосылка мифологического мышления.

б. Европейцам, впервые столкнувшись с Китаем и его цивилизацией, все казалось странным и удивительным. Музыка, в основе которой лежит пять тонов... Театр, где сцена без занавеса и кулис, где актеры играют как женские, так и мужские роли, актрисы же могут изображать бородатых генералов... Китайская кухня, где готовятся ласточкины гнезда, удавы, плавники акулы с побегами бамбука и т. п. Китайский язык, в котором нет ни падежей, ни спряжений, ни рода, ни числа, словом, всей привычной нам грамматики, — и в то же время есть музыкальные тона, благодаря которым слово, на наш европейский слух звучащее одинаково, может иметь несколько различных значений...

Наконец, китайская письменность, в которой применяется много тысяч различных иероглифов... Письменность, породившая в нашем языке выражение «китайская грамота», — синоним сложности, запутанности, непонятности...

В 1899 г. при раскопках на севере китайской провинции Хэнань сделано выдающееся открытие: в плотных слоях лёсса обнаружилось тысячи фрагментов лопаточных костей животных (в основном, баранов) и панцирей черепах, на которых четко виднелись рисуночные знаки-иероглифы. Некоторые из них походили на древнейшие, известные до той поры, китайские письма. Но большая часть знаков не находила параллелей среди известных иероглифов. Стало ясно, что открыты образцы одной из самых ранних форм китайского письма.

Вскоре число древнейших текстов стало неуклонно расти. Во-первых, новые памятники письма обнаруживали археологи. А во-вторых, выяснилось, что на многих костях, продававшихся в китайских аптеках как лекарство под названием «лун гу» («кости дракона»), также вырезаны древние знаки. Памятники письма считались «лекарственным средством»!

За первую половину нашего столетия в Китае было обнаружено свыше ста тысяч текстов, начертанных древнейшими письменами. Подавляющая часть из них имела непосредственное отношение к гаданию. В Древнем Китае, впрочем, как во многих странах древнего мира, прежде чем приступить к любому серьезному делу, будь то охота, женитьба и т. п., человек обращался к гадателю. Гадатель выцарапывал надпись на лопаточной кости животного или же на панцире черепахи. Надпись эта содержала вопрос, с которым обращался человек. Затем обратная сторона кости или панциря прижигалась нагретой бронзовой палочкой.

Появлялись трещины, и переплетение их толковалось как определенный иероглиф. Гадатель читал «родившийся» таким образом знак — и он содержал ответ на заданный вопрос! Вслед за этим кость или панцирь погребались в особую яму-святилище.

7. Если мы остановим свое внимание на сакральных актах архаических культур, то не составит труда сделать некоторые заключения относительно серьезности, с которой эти акты выполняются. По единодушному, как мне кажется, мнению этнологов, то состояние духа, в котором пребывают участники и зрители больших религиозных празднеств у дикарей, не есть состояние полного восторга и иллюзии. В нем присутствует и задняя мысль, что все это «невзаправду»... Судя по всему, участвующие в празднике мужчины не испытывают никакого страха перед духами, которые незримо витали рядом во время церемонии и затем показываются в момент кульминации. И это не удивительно: ведь это те же самые мужчины, что осуществили режиссуру всего праздника; они сами изготовили маски, они их сейчас надели, они прячут их от женщин после праздника, как велит обычай. Они поднимают шум, оповещая всех о прибытии духа, они чертят его следы на песке, они дуют в дудки, имитируя голоса умерших предков, и размахивают трещотками... Мужчины потчуют женщин разными небылицами о том, что происходит в выгороженной от посторонних священной роще. Поведение самих посвящаемых колеблется между экстатическим восторгом, напускным безрассудством, боязливым содроганием, ребяческой заносчивостью и показным молодецеством. Женщины менее прочих поддаются ослеплению происходящим. Они в точности знают, *кто* прячется за той или другой маской. Однако пугаются, если маска приближается к ним с угрожающим видом, и с визгом разбегаются по сторонам. Это выражение страха... отчасти совершенно стихийно и неподдельно, отчасти всего лишь традиционная обязанность. Так полагается делать. Женщины словно бы выступают фигурантами этого спектакля и точно знают, что им нельзя нарушать принятые правила и портить игру.

Нижнюю границу, где священная серьезность ослаблена до «fun», невозможно провести с достаточной точностью... И колдун и околдованный — оба в одно и то же время и знают и обманываются. Но люди сами хотят быть обманутыми. «Точно так же, как дикарь — хороший актер, полностью забывающий себя, как дитя, в изображаемой фигуре, он и хороший зритель, и в этом тоже похож на ребенка, которого можно до смерти напугать рыком льва, хотя ему известно, что он ненастоящий». Туземец, по словам Бронислава Малиновского, чувствует и боится своей веры больше, чем это может для себя ясно сформулировать. Поведение лиц, которым первобытное общество приписывает сверхъестественные свойства, часто может быть лучше всего определено как «playing up to the role» («игра в роли»).

8. Человек впервые обратил свой взор на небеса не для того, чтобы лишь удовлетворить свою интеллектуальную любознательность. На самом деле человек искал на небесах свое собственное отражение и порядок человеческой Вселенной и пытался проникнуть в эту таинственную связь. Небесные явления, следовательно, не могли изучаться в отстраненном духе абстрактных размышлений и чистой науки. Они рассматривались как властелины и правители мира, как вершители человеческих судеб. Чтобы организовать политическую, социальную и моральную жизнь человека, нужно было, оказывается, обратиться к небесам. Ни одно человеческое явление не содержало в себе, как представлялось, собственного объяснения; оно могло быть объяснено лишь путем соотнесения его с соответствующими небесными явлениями, от которых оно зависело. При таком рассмотрении становится ясно, почему пространство в первых астрономических системах не могло быть чисто теоретическим пространством. Оно вовсе не состоит из точек, линий или поверхностей в абстрактно-геометрическом смысле этих терминов. Оно наполнено магическими, божественными и демоническими силами. Первая и существенная задача астрономии — проникнуть в природу и действие этих сил, чтобы уметь предвидеть и избегать их опасных влияний. Астрономия могла появиться лишь в этой мифологической и магической оболочке — в форме астрологии. Она была такой много тысячелетий; в некотором смысле она оставалась такой же и в первые века нашей эры, в культуре эпохи Возрождения. Даже Кеплер, подлинный основатель современной научной астрономии, всю жизнь бился над этой проблемой. Но в итоге последний шаг все-таки был сделан: астрономия сменила астрологию; геометрическое пространство заняло место мифического и мифологического — ложной и ошибочной формы символической мысли. И это открыло путь к новому и подлинному символизму — символизму современной науки.

9. Чукчи ведут счет пятерками, по числу пальцев на каждой руке и ноге. Взрослые чукчи таким счетом пользуются очень хорошо в пределах тысячи. Они редко ошибаются, хотя и считают довольно долго. Для большего удобства они иногда снимают обувь, и счет производится на двадцати пальцах рук и ног. Пять человек составляют сотню. Проезжая однажды по кочевым стойбищам, я заметил на склоне горы небольшое стадо оленей. Сидя на нарте, я легко пересчитал его. Оленей было сто двадцать восемь. Когда я спросил хозяина, владельца стада, сколько у него оленей, он не мог мне ответить.

- Мы не считаем. Но если хоть один олень пропадет из стада, глаза мои узнают сразу.
- А можешь ты подсчитать?

- Если тебе нужно, подсчитаю. Только долго буду считать. Поезжай пока в ярангу, а потом я принесу счет.

В яранге мы успели попить чаю, поговорить с хозяином обо всем, а часа через два пришел наш «подсчетчик». Он назвал цифру — сто двадцать восемь. Старик крайне удивился такому множеству оленей.

— Наверное, ты ошибся. Так много оленей никогда у нас не было.

Старик решил проверить. Он знал каждого оленя и поэтому немедленно, не выходя из яранги, занялся подсчетом. Для этого он снял торбаза и через три часа сообщил, что подсчет произведен правильно. Натуральный «арифмометр», состоящий из пальцев рук и ног, был для такой цифры недостаточен. Старик-оленоводу потребовались для этой цели все члены семьи, состоящей из пяти человек, кроме того — занять двух человек из соседней яранги.

10. Грубые минтира Малайского полуострова совершенно уверены в твердости небесного свода, что свойственно низшим степеням цивилизации. По их мнению, небо — большой горшок, удерживаемый над землей с помощью веревки, и, порвись как-нибудь эта веревка, все на земле было бы раздавлено. Луна — женщина, солнце — тоже; звезды — дети луны, и в былое время у солнца их было столько же. Опасаясь, что человечество не в состоянии будет вынести столько света и тепла, они решили, что каждая из них должна съесть своих собственных детей. Однако луна не съела звезды, а спрятала их от солнца, которое, считая их всех уничтоженными, истребило свои; но едва оно успело сделать это, как луна вывела свое семейство из убежища. Увидя их, солнце пришло в ярость и погналось за луной, чтобы убить ее. Преследование это продолжается и до сих пор, и время от времени солнце подходит так близко к луне, что может укусить ее, тогда бывает затмение. Всякий может убедиться в том, что солнце поедает свои звезды на рассвете и что луна прячет свои, пока солнце близко, и выводит их только ночью, когда враг ее уже далеко. В то же время оказывается, что на северо-востоке Индии, у племени хо в Чота-Нагпуре, существует миф, происходящий, очевидно, из того же источника, хотя окончание его несколько иное. Здесь солнце раскалывает луну надвое за ее измену. Таким образом, с тех пор она осталась расколотой и снова срастающейся и ее всегда сопровождают ее дочери-звезды.

Особенности первобытной культуры	Номер текста
Анимизм	
Мифологизм	
Мистическое единство части и целого	
Отождествление изображения и изображаемого	
Универсализм восприятия мира	
Конкретность первобытного понимания пространства	
Магические способы воздействия на окружающую среду и на человека	
Игровой элемент культуры	
Фетишизм	